В
1160
620

МОСКОВСКАЯ
ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ
КОМИССІЯ

Проф. С. Н. БУЛГАКОВЪ.

ХРИСТІАНСТВО И СОЦІАЛИЗМЪ.

МОСКВА 1917.

ЦѢНА 50 КОП.

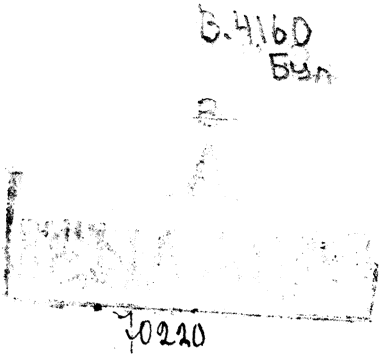
МОСКОВСКАЯ
ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ
КОМИССІЯ

Проф. С. Н. БУЛГАКОВЪ.

ХРИСТІАНСТВО И СОЦІАЛИЗМЪ.

МОСКВА 1917.

1в 9-й экз


В.4160
Бул
70220

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстн. бульв., Путинковъ. пер., д. 3.
1917.

Христіанство и соціализмъ.

I.

Первое искушеніе Христа въ пустынѣ.

Каждому памятенъ евангельскій разсказъ объ искушеніяхъ Христа въ пустынѣ и, въ частности, о первомъ изъ нихъ „И, постившись сорокъ дней и сорокъ ночей, напослѣдокъ взалкалъ. И приступилъ къ Нему искуситель и сказалъ: если Ты Сынъ Божій, скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами. Онъ же сказалъ ему въ отвѣтъ: написано: не хлѣбомъ однимъ живъ будетъ человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ". (Мѳ. 4, 2—4). Всякое искушеніе содержитъ въ себѣ нѣкую правду, извращенную однако до односторонности и лжи. Чувство голода, угрожающаго истощеніемъ, свидѣтельствуетъ о какой-то обидной слабости человѣка, благодаря которой онъ оказывается плѣнникомъ природной стихіи; этотъ плѣнъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ нормальное, достойное состояніе человѣка, онъ рвется изъ него на свободу силою своего творческаго духа. И въ божественной мощи этого духа заложена сила повелѣвать природой, дѣлать изъ камней хлѣбы. Эту силу имѣлъ и явилъ Богочеловѣкъ, Который при другихъ обстоятельствахъ насыщалъ тысячи народа въ пу-

стынѣ нѣсколькими хлѣбами и рыбами; стало быть, ничего по существу невозможнаго для Него не предлагалъ Ему искуситель. Ложь сатаны состояла лишь въ томъ, что божественную мощь онъ совѣтовалъ использовать для временныхъ цѣлей темнаго, смертнаго бытія, какъ бы превратить ее въ орудіе магіи и колдовства. Но Сынъ Человѣческій пришелъ не затѣмъ, чтобы съ наибольшимъ удобствомъ устроить насъ въ этой темной, грѣховной и смертной жизни, но чтобы спасти отъ нея, побѣдивъ ее въ самыхъ ея основахъ. Бороться со зломъ міра сего средствами э т о г о ж е міра и въ его предѣлахъ совсѣмъ не входило въ задачу Искупителя міра. Это значило бы признать его всепобѣдную мощь и обратиться къ устроенію царства отъ міра сего. Между тѣмъ міръ этотъ въ д а н н о м ъ состояніи долженъ быть разрушенъ, перейдя въ иную плоскость бытія, въ которой естественно теряютъ силу всѣ эти тяготы и соблазны. Иначе говоря, искуситель хотѣлъ Спасителя міра сдѣлать плѣнникомъ этого міра, а вмѣстѣ и для него мессіей, міровымъ реформаторомъ, вооруженнымъ для этой цѣли сверхчеловѣческой мощью. Эта мощь, конечно, была достаточна, чтобы совершенно и окончательно разрѣшить всѣ хозяйственные вопросы всеобщимъ превращеніемъ камней въ хлѣбы, устроивъ царство земного благополучія, окончательно упрочитъ міръ въ его данномъ состояніи, установить „рай на землѣ“. Повторяемъ, сила искушенія была въ относительной правдѣ его мотива. Сынъ Божій дѣйствительно взалкалъ въ пустынѣ и не отъ Своего только лица, но и вмѣстѣ со всѣмъ человѣчествомъ, которое томится въ цѣпяхъ голода и теряетъ человѣческій образъ въ непосильной

борьбѣ съ природой. Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, развѣ же мы не знаемъ, что голодъ разрушаетъ не только тѣла, но и души, порочитъ нравственное существо, толкаетъ на грѣхъ и преступленіе. И развѣ не является поэтому дѣйствительно соблазнительной мысль о томъ, чтобы прежде всего и какою угодно цѣной побѣдить голодъ, разбить цѣпи бѣдности, и тогда уже спрашивать о небѣ. Это обезпечивало бы для Іисуса, конечно, и вѣрный успѣхъ Его проповѣди, а отнюдь не сулило Голгоѳы. Не даромъ же толпы народа, которыя питались въ пустынѣ Его словомъ, когда, вкусивъ хлѣба и рыбъ чудеснаго насыщенія, стали говорить то, чего, очевидно, онѣ не говорили, даже слушая Его слово: „это истинно тотъ пророкъ, которому должно придти въ міръ“. И здѣсь же въ Евангеліи присоединена и такая черта: „Іисусъ же узнавъ, что хотятъ прійти, нечаянно взять Его и сдѣлать царемъ, опять удалился на гору одинъ“ (Іоан. 6, 14—15). Такъ велико было немедленное дѣйствіе только одного насыщенія. Тотъ, кто овладѣлъ бы силой дѣлать это всегда и для всѣхъ, естественно становился царемъ этого міра и въ своей мощи получалъ источникъ власти надъ нимъ, царство отъ міра сего. Итакъ, вотъ о чемъ шла рѣчь въ этомъ бездонно глубокомъ по значенію разговорѣ въ пустынѣ въ первой его части: что надо положить въ основу спасенія человѣчества и заботы о немъ: надо ли немедленно освободить его отъ хозяйственнаго плѣненія превращеніемъ камней въ хлѣбы, или же оставить до времени нетронутой стихію міра и всю силу борьбы за спасеніе перенести въ человѣческое сердце! Какимъ надо пойти путемъ—хозяйственнымъ или религіознымъ въ дѣлѣ спасенія міра?

И былъ отвѣтъ: человѣкъ живетъ не однимъ хлѣбомъ, какъ думаютъ многіе, но всякимъ словомъ Божіимъ. Существуетъ иной законъ, иная сила жизни, которая превозмогаетъ неодолимую стихію міра. Нельзя повѣрить мощи этой стихіи до такой степени, чтобы ее и сдѣлать основой спасенія человѣчества, ибо оно, лишившись слова Божія, зачахнетъ и изсохнетъ духовно. Надо идти чрезъ этотъ міръ, но ему не вѣруя: вотъ истинный путь Сына Божія и слѣдующихъ за Нимъ, иначе подчиненіе этому міру лишь маскировалось бы хозяйственнымъ имъ овладѣніемъ. И въ отвѣтѣ Христа на первое искушеніе предрѣшается уже, вмѣсто славы земного мессіи, чудотворца и благодѣтеля, жизнь въ нищетѣ и скитаніяхъ, не имѣя гдѣ главы преклонить, а въ перспективѣ— Голгоѳа.

Справедливо говоритъ Достоевскій, что явно чудесна глубина содержанія этихъ немногихъ строкъ евангельскаго разсказа: въ нихъ предопредѣлено духовное содержаніе всей исторіи человѣчества, и смыслъ ихъ становится все вразумительнѣй при свѣтѣ историческаго опыта. „Страшный и умный духъ (читаемъ у Достоевскаго въ рѣчи Великаго Инквизитора, обращенной къ Христу) говорилъ съ Тобой въ пустынѣ и намъ передано въ книгахъ, что онъ будто бы „искушалъ“ Тебя. Такъ ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннѣе того, что Онъ возвѣстилъ Тебѣ въ трехъ вопросахъ и что Ты отвергъ и что въ книгахъ названо „искушеніями“? А между тѣмъ, если было когда-либо на землѣ совершено настоящее громовое чудо, то это въ тотъ день этихъ трехъ искушеній. Именно въ появленіи этихъ трехъ вопросовъ и заключалось

чудо. Если бы возможно было помыслить лишь для пробы и для примѣра, что три эти вопроса страшнаго духа безслѣдно утрачены въ книгахъ и что ихъ надо возстановить, вновь придумать и сочинить, чтобы внести опять въ книги, и для этого собрать всѣхъ мудрецовъ земныхъ, правителей, первосвященниковъ, ученыхъ, философовъ, поэтовъ и задать имъ задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такіе, которые мало того, что соотвѣтствовали бы размѣру событія, но и выражали бы сверхъ того въ трехъ только фразахъ человѣческихъ всю будущую исторію міра и человѣчества, то думаешь ли Ты, что вся премудрость земли, вмѣстѣ соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силѣ и глубинѣ тѣмъ тремъ вопросамъ, которые дѣйствительно были предложены Тебѣ тогда могучимъ и умнымъ духомъ въ пустынѣ. Ужъ по однимъ вопросамъ этимъ, лишь по чуду ихъ появленія, можно понимать, что имѣешь дѣло не съ человѣческимъ текущимъ умомъ, а съ вѣковѣчнымъ и абсолютнымъ. Ибо въ этихъ трехъ вопросахъ какъ бы совокуплена въ одно цѣлое и предсказана вся дальнѣйшая исторія человѣчества и явлены три образа, въ которыхъ сойдутся всѣ неразрѣшимыя историческія противорѣчія человѣческой природы по всей землѣ“.

„Вспомни первый вопросъ: хоть не буквально, но смыслъ его тотъ: „Ты хочешь идти въ міръ и идешь съ голыми руками, съ какимъ-то обѣтомъ свободы... А видишь ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобою побѣжитъ человѣчество, какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отнимешь руку Твою, и прекра-

тятся имъ хлѣбы Твои. Но Ты не хотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе, ибо какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами. Ты возражалъ, что человѣкъ живъ не единымъ хлѣбомъ, но знаешь ли, что во имя этого самаго хлѣба земного и возстанетъ на Тебя духъ земли и сразится съ Тобой и побѣдитъ Тебя, и всѣ пойдутъ за нимъ восклицая: „кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ огонь съ небесъ“. Знаешь ли Ты, что пройдутъ вѣка, и человѣчество провозгласитъ устами премудрости своей, что преступленія нѣтъ, а стало быть нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные. „Накорми и тогда спрашивай съ нихъ добродѣтели“. Вотъ что напишутъ на знамени, которое воздвигнутъ противъ Тебя и которымъ разрушится храмъ Твой. На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь строимая Вавилонская башня“. И первое искушеніе въ грандіозныхъ, никогда еще доселѣ невиданныхъ размѣрахъ переживается въ наши дни, когда человѣчество, пріобрѣтя нѣкоторое частичное умѣніе превращать камни въ хлѣбы, повѣрило въ это превращеніе какъ единственный путь спасенія человѣчества. Оно, внявъ голосу искусителя, соблазнилось его соблазномъ. Это и есть религіозный соблазнъ соціализма.

II.

Свобода отъ хозяйства и свобода въ хозяйствѣ.

Соціализмъ хочетъ извести человѣчество изъ плѣна хозяйственной неволи, которая тяготѣетъ надъ всѣмъ человѣчествомъ. Трудъ въ потѣ лица съ терніями вмѣсто хлѣба—таковъ удѣлъ чело-

вѣчества на землѣ проклятія. Земля стала вмѣсто матери мачехой для человѣчества, и только тяжелымъ неусыпнымъ трудомъ отстаиваетъ оно свое существованіе. Жизнь превратилась въ борьбу за существованіе, о которой настойчиво учитъ современная наука, въ борьбу съ бѣдностью, которая выражается въ стремленіи къ богатству. И эта хозяйственная забота изнуряетъ духъ человѣка, а хозяйственный трудъ напрягаетъ его силы. Поэтому естественно возникаетъ вопросъ: нельзя ли вообще освободиться отъ хозяйственнаго плѣна, завоевать свободу отъ хозяйства? Этотъ голосъ звучитъ въ человѣкѣ тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ ощутительнѣй становится для него этотъ хозяйственный плѣнъ, чѣмъ тягостнѣе онъ его переживаетъ. Именно въ наши дни, когда хозяйственное овладѣніе природой, или „производство богатствъ“ достигло небывалыхъ размѣровъ, въ вѣкъ всеобщаго экономизма мысли и жизни становится наиболѣе сильнымъ это желаніе обрести хозяйственную свободу, перейдя въ нѣкое сверхъ-хозяйственное или внѣхозяйственное состояніе. Эту побѣду надъ хозяйствомъ и сулитъ теперь соціализмъ, обѣщающій, по выраженію Маркса, прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы.

Самую свободу отъ хозяйства можно представлять себѣ однако двоякимъ способомъ: какъ свободу духовную, достигаемую напряженіемъ духовныхъ силъ, и какъ свободу чисто хозяйственную, осуществляемую черезъ хозяйство, такъ называемымъ „развитіемъ производительныхъ силъ“. Первая достижима на пути религіозномъ, указуемомъ христіанствомъ, а также и другими религіями, напримѣръ, буддизмомъ; вторая же соотвѣтствуетъ соціалистическимъ обѣтованіямъ.

Буддизмъ учитъ своихъ послѣдователей совершенному безстрастію, умиранію для міра, въ которомъ обезсиливается, притупляется чувство и хозяйственной неволи. Совершенная нечувствительность къ лишеніямъ, смерть заживо, есть идеалъ буддійскаго подвижника, онъ презираетъ и пренебрегаетъ хозяйствомъ вмѣстѣ съ другими мірскими силами. Конечно, этотъ идеалъ можетъ быть по плечу только исполинамъ подвижничества, но въ мѣру его вмѣщенія достигается свобода отъ хозяйственной тревоги, нужда изгоняется изъ сердца, хотя и сохраняетъ силу надъ тѣломъ.

Христіанство указуетъ путь совершенной свободы отъ хозяйственной заботы: Христосъ учитъ не заботиться о завтрашнемъ днѣ, жить какъ птицы и цвѣсти, какъ полевыя лиліи, предоставляя себя заботѣ Отца Небеснаго. И кто силой вѣры и религіознаго подвига способенъ всегда чувствовать на себѣ эту любовь и попеченіе Небеснаго Отца, тотъ становится чадомъ Божіимъ, онъ свободенъ и отъ хозяйственной неволи, свободенъ такой свободой, которая и не снилась соціалистамъ. Для него святая бѣдность становится обрученной невѣстой, съ которой онъ испытываетъ блаженство. Чтобы постигнуть это, достаточно вызвать въ памяти плѣнительный образъ Франциска Ассизскаго, который свою святую жизнь превратилъ въ гимнъ добровольной бѣдности, какъ высшему блаженству. Эта побѣда надъ міромъ, рождающаяся изъ полноты вѣры въ Бога и изъ невѣрія въ силы міра и даже въ самую страшную изъ нихъ силу голода, сопровождается чувствомъ непрестанно совершающагося чуда любви Божіей къ міру, но она ведетъ и къ дѣйствительному измѣненію законовъ естества.

Мы знаемъ, что подвизавшіеся многіе годы въ пустынѣ могли недѣлями и мѣсяцами оставаться вовсе безъ пищи и вообще довольствоваться столь ничтожнымъ ея количествомъ, какое невозможно было бы для обыкновеннаго человѣка. Это указуетъ, что христіанскій путь къ хозяйственной свободѣ ведетъ не черезъ хозяйство, а какъ бы поверхъ его, черезъ преобразованіе человѣческой природы, ибо не хлѣбомъ однимъ живетъ человѣкъ, но и всякимъ словомъ Божіимъ. Хозяйственный плѣнъ человѣка есть не первопричина, но слѣдствіе, онъ вызванъ общимъ измѣненіемъ человѣка въ отношеніи къ природѣ, которое явилось результатомъ грѣховной порчи самаго человѣческаго существа. Въ міръ вошла смерть, жизнь стала смертной, отсюда и появилась гибельная зависимость человѣка отъ пищи, отъ стихій міра, овладѣніе которыми все равно не спасетъ его отъ ранней или поздней смерти. Плѣнъ хозяйства это есть сила смерти, господствующая въ людяхъ; вкушая жизнь, мы вкушаемъ и смерть. И только Спаситель міра, Побѣдитель смерти, даетъ намъ пищу живота вѣчнаго Тѣломъ и Кровью Своею. Насколько герои вѣры, святые подвижники, уже въ нынѣшнемъ вѣкѣ дышатъ воздухомъ воскресенія, будущаго вѣка, для нихъ теряютъ частично силу и законы этого міра, у нихъ иная физіологія Но и каждый вѣрующій христіанинъ въ мѣру своей вѣры долженъ охранять свою духовную свободу отъ хозяйства, не отдавать себя всего и до конца хозяйственной работѣ, не признавая хозяйственной стихіи первой и опредѣляющей человѣческую жизнь и свободу. Человѣкъ даже и въ состояніи самаго тяжкаго хозяйственнаго плѣна можетъ, а потому и долженъ чувствовать въ себѣ сына Бо-

жія, призваннаго къ свободѣ. Онъ не долженъ духовно ощущать себя плѣнникомъ этого міра, даже и неся на себѣ его оковы, ибо въ сердцѣ своемъ, въ вѣрѣ своей онъ имѣетъ залогъ иной жизни, иного закона—любви божественной. И только такую внутреннюю свободу отъ хозяйства, такую побѣду надъ его соблазномъ и должно религіозно цѣнить,—ее можетъ дать себѣ только самъ человѣкъ, но не дадутъ ея никакія хозяйственныя реформы. „Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше". Самое богатое развитіе производительныхъ силъ, экономическій расцвѣтъ можетъ сопровождаться такимъ порабощеніемъ человѣка хозяйственной стихіи, такимъ духовнымъ его плѣненіемъ, какого не наблюдается и при крайней бѣдности. Вообще трудно „надѣющемуся на богатство", ему отдавшему свое сердце, входить въ царство небесное, подниматься къ духовной свободѣ. Итакъ, пути христіанской свободы и свободы въ хозяйствѣ могутъ расходиться или не совпадать. Во всякомъ случаѣ, хозяйственная свобода для христіанской свободы не имѣетъ рѣшающаго значенія.

Однако христіанство серьезно и строго относится къ хозяйственнымъ обязанностямъ человѣка. Онъ не долженъ снимать съ себя всеобщей повинности труда, возложенной на него заповѣдью Божіей. Притомъ міръ этотъ есть созданіе Божіе, Божій садъ, хотя и запущенный и заросшій сорными травами. Человѣкъ не наемникъ, чуждый природѣ, онъ призванъ царствовать надъ нею. Трудъ имѣетъ незамѣнимое значеніе для человѣка, какъ средство воспитанія воли, борьбы съ дурными наклонностями, наконецъ, какъ возможность служенія ближнимъ. Поэтому вліяніе христіанства

въ хозяйственной исторіи привело къ тому, что оно безмѣрно подняло сознаніе достоинства труда, не признававшагося въ древнемъ мірѣ, а въ частности и хозяйственнаго „производительнаго“ труда. Не даромъ же христіанскіе монастыри оказались очагами хозяйственной культуры, а аскеты усерднѣйшими подвижниками труда. Однимъ словомъ, можно сказать, что христіанство оздоровило и укрѣпило хозяйственную жизнь Европы, внеся въ нее новую и огромную силу—моральный авторитетъ труда. Насколько христіанство каждому велитъ блюсти въ себѣ свободу отъ хозяйства, не дозволяя заботѣ до конца овладѣвать сердцемъ, повелѣвая оставаться духовно свободнымъ отъ хозяйства при всякомъ хозяйственномъ строѣ, настолько же рѣшительно оно никому не позволяетъ освобождать себя отъ труда, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. Трудъ обязателенъ для всѣхъ: кто не трудится, да не ѣстъ. Это христіанское уваженіе къ труду, возстановившее его авторитетъ, нечувствительно переродилось въ то превознощеніе труда и самопревознощеніе рабочаго класса, которое отличаетъ современную „демократію“. Такое самопревознощеніе, конечно, глубоко чуждо духу христіанства. Оно возникаетъ не изъ пониманія труда, какъ религіознаго послушанія, наложеннаго на насъ какъ средство воспитанія и какъ долгъ передъ природой, но изъ человѣческаго самоутвержденія, которое мнитъ трудъ всесильнымъ.

Поэтому христіанство знаетъ свободу въ хозяйствѣ, но не обѣщаетъ свободы отъ хозяйства и чрезъ хозяйство. Напротивъ, христіанство видитъ въ немъ лишь одно изъ послѣдствій грѣха, и даже нельзя желать освободить человѣчество въ

его данномъ состояніи отъ хозяйственнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, лишь представимъ себѣ на минуту, что найдено дѣйствительно средство превращать камни въ хлѣбы, т.-е. не только снять всю тяготу хозяйственной заботы, но сдѣлать природу вполнѣ послушной желаніямъ человѣка, какъ это изображается въ соціалистическихъ мечтаніяхъ. Какъ употребилъ бы свой досугъ, неимовѣрную свою свободу человѣкъ въ его теперешнемъ состояніи? Какую пустоту и томящую скуку, какую неистовую тоску ощутили бы тогда люди! Стремленіе уйти отъ себя, „развлечь“ себя приняло бы подавляющіе размѣры, но все болѣе притуплялась бы чувствительность, и мракъ безпросвѣтности ложился бы на человѣчество, оставленное вдругъ наединѣ со своими страстями, пороками и слабостями. Вырожденіе однихъ и отчаяніе другихъ, благороднѣйшихъ, было бы неизбѣжнымъ итогомъ этого мнимаго благодѣянія.

Ѳ. М. Достоевскій въ Дневникѣ Писателя однажды затронулъ эту тему. „Если бы черти сразу показали свое могущество и задавили бы человѣка своими открытіями, если бы всѣ знанія такъ и свалились на человѣчество и, главное, совершенно даромъ, въ видѣ подарка (какъ и достанутся они будущимъ поколѣніямъ, о которыхъ и мечтаетъ соціализмъ), что бы тогда сталось съ людьми? О, конечно, сперва пришли бы въ восторгъ. Люди обнимали бы другъ друга въ упоеніи: они вдругъ почувствовали бы себя осыпанными счастіемъ, зарытыми въ матеріальныхъ благахъ, они можетъ быть ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайныя пространства въ 10 разъ скорѣй, чѣмъ теперь по желѣзной дорогѣ, извлекали бы изъ земли басно-

словные урожаи, можетъ быть создали бы химіей организмы, и голоднымъ бы хватило по 3 фунта на человѣка, словомъ ѣшь, пей и наслаждайся! Но врядъ-ли и на одно поколѣніе людей хватило бы этихъ восторговъ! Люди вдругъ увидѣли бы, что жизни уже больше нѣтъ у нихъ, нѣтъ свободы духа, нѣтъ воли и личности, что кто-то у нихъ укралъ все разомъ; что исчезъ человѣческій ликъ и насталъ скотскій образъ раба, образъ скотины, съ той разницей, что скотина не знаетъ, что она скотина, а человѣкъ бы узналъ, что онъ сталъ скотиной. И загнило бы человѣчество; люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои въ мукахъ, увидя, что жизнь у нихъ взята за хлѣбъ, за камни, обращенные въ хлѣбы. Поняли бы люди, что нѣтъ счастья въ бездѣйствіи, что погаснетъ мысль нетрудящихся, настанетъ скука и тоска"...

Вотъ почему далеко не всякое сокращеніе рабочаго дня, обезпечивающее не только отдыхъ, но и досугъ, является безусловнымъ благомъ. Нужно не только хозяйственно, но и духовно дорости до короткаго рабочаго дня, умѣя достойно употребить освобождающійся досугъ. Иначе короткій рабочій день явится источникомъ деморализаціи и духовнаго вырожденія рабочаго класса. И здѣсь имѣетъ силу законъ, что не о хлѣбѣ единомъ живетъ человѣкъ, но и о всякомъ словѣ Божіемъ.

Тѣмъ не менѣе именно такая свобода отъ хозяйства, или нѣкоторое сверххозяйственное состояніе, составляетъ мечту соціализма. „Развитіемъ производительныхъ силъ", производствомъ богатства, будетъ достигнута фактически неограниченная способность человѣка повелѣвать природой. О томъ, какъ будетъ справляться человѣкъ

съ этой свободой, здѣсь даже не спрашивается, ибо заранѣе предрѣшено, что всѣ порочныя наклонности человѣка происходятъ отъ бѣдности и побѣждаются вмѣстѣ съ нею, ибо вообще человѣкъ всецѣло зависитъ отъ хозяйства, „есть то, что онъ ѣстъ“. Этотъ догматъ экономическаго міровоззрѣнія, со всей рѣшительностью выраженный въ марксизмѣ, присущъ въ большей или меньшей степени всѣмъ соціалистическимъ ученіямъ. Для нихъ не существуетъ самостоятельнаго вопроса о духовномъ содержаніи этой свободы отъ хозяйства, они довольствуются тѣмъ, что стремятся болѣе или менѣе наукообразно доказать всю неизбѣжность, закономѣрность наступленія этого чуда. Ибо, конечно, можно считать только чудомъ подобный переворотъ въ условіяхъ существованія человѣчества, которое сначала находится всецѣло въ духовномъ плѣну отъ хозяйства, имъ во всѣхъ отношеніяхъ опредѣляется, а затѣмъ вдругъ оказывается отъ него совершенно свободнымъ и независимымъ. Идею такого историческаго чуда, точнѣе чудеснаго, сверхъестественнаго переворота въ исторіи мы сыздавна встрѣчаемъ въ человѣчествѣ, въ ней нѣтъ ровно ничего новаго. Съ наибольшей силой она выявлена въ іудейскихъ чаяніяхъ мессіанскаго царства, столь распространенныхъ среди еврейства передъ пришествіемъ Христа. Въ многочисленныхъ произведеніяхъ еврейской письменности этой эпохи (носящихъ общее наименованіе „апокалипсисовъ“) выражалось то убѣжденіе, что приближается наступленіе земного царства мессіи. Оно надвигается совершенно закономѣрно, такъ что эта закономѣрность можетъ быть „научно“ (по тогдашнему пониманію) познана и установлена. Оно, это царство,

должно подготовляться революціей, но осуществлено будетъ чудеснымъ явленіемъ мессіи (ему соотвѣтствуетъ въ современномъ соціализмѣ представленіе о соціальной катастрофѣ, возникающей на извѣстной ступени развитія капитализма, при которой уже „лопается его оболочка"). Въ этомъ смыслѣ современный соціализмъ представляетъ собой возрожденіе древнеіудейскихъ мессіаническихъ ученій, и К. Марксъ, вмѣстѣ съ Лассалемъ, суть новѣйшаго покроя апокалиптики, провозвѣщающіе мессіанское царство. Однако есть и разница между древними и новѣйшими апокалиптиками, и, нужно сознаться, не въ пользу послѣднихъ: первые откровенно вѣрили въ чудо,—въ сверхъестественное вмѣшательство мессіи, вторые же вводятъ чудесный элементъ лишь замаскированно, и благодаря этому у нихъ концы не вполнѣ сходятся съ концами. Дѣло въ томъ, что современныя ученія объ опредѣляющей роли хозяйства въ человѣческой жизни обычно связываются съ дарвиновскимъ ученіемъ о борьбѣ за существованіе, какъ всеобщемъ законѣ жизни. Въ мірѣ царитъ борьба, сильный истребляетъ слабаго, этимъ устанавливается естественный отборъ и усовершенствованіе видовъ. Такъ это въ мірѣ животныхъ. Въ мірѣ человѣческомъ этому соотвѣтствуетъ борьба классовъ или общественныхъ группъ, возникающая на основѣ хозяйственныхъ отношеній. Вся исторія человѣчества до сихъ поръ есть, по мнѣнію Маркса, въ существѣ своемъ экономическая борьба классовъ. Если бы эта мысль высказывалась въ столь же всеобщей и непререкаемой формѣ, какъ ученіе Дарвина, это было бы по крайней мѣрѣ понятно и послѣдовательно. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что эта борьба за

существованіе, имѣющая силу для всей прошедшей и настоящей исторіи, прекратитъ почему-то свое дѣйствіе на будущую эпоху, и изъ волчьей стаи получится вдругъ соціалистическое братство. Такая отмѣна того, что является, по мысли соціалистовъ, какъ бы непреложнымъ закономъ природы, можетъ быть признана только чудомъ, котораго однако вообще вовсе не допускается сторонниками этого ученія (между тѣмъ какъ оно открыто вводилось древними іудейскими апокалиптиками).

III

Ограниченность соціалистическихъ мечтаній.

Но допустимъ, что соціалистическія мечтанія о сверххозяйственномъ „государствѣ будущаго" имѣютъ достаточныя научныя основанія (чего мы на самомъ дѣлѣ вовсе не думаемъ). Все-таки нельзя не признать этого идеала безкрылымъ, рабскимъ и ограниченнымъ, хотя соціализмъ и гордится обычно своей революціонностью и радикализмомъ. Это становится особенно ясно при сопоставленіи съ христіанской вѣрой. Христіанское обѣтованіе открываетъ вѣрующимъ, что въ жизни будущаго вѣка, которая наступитъ послѣ всеобщаго воскресенія и суда, будетъ новое небо и новая земля, гдѣ же правда живетъ. Вся тварь обновится, и для воскресшаго человѣчества, единаго во Христѣ, будетъ возстановлено изначальное, эдемское отношеніе къ міру, какъ саду Божію. Преграда и средостѣніе, стоящія нынѣ между человѣкомъ и природой, утеряютъ свою силу. Всеобщее воскресеніе есть и всеобщій космическій переворотъ. Человѣчество,

дѣйствительно, воцарится въ природѣ. Правда, это невозможно для человѣка въ теперешнемъ его состояніи, въ предѣлахъ исторіи, ибо можетъ явиться лишь чудомъ всемогущества и премудрости Божіей. Ихъ мѣсто въ соціалистическихъ построеніяхъ занимаютъ мертвыя силы хозяйства, развитіе „экономическаго базиса": въ его силу, въ его мудрость и всемогущество предлагается здѣсь вѣрить въ качествѣ Промысла Божьяго. Даже и не раздѣляющій христіанской вѣры долженъ будетъ признать, что только въ ней дается утоленіе сердцу, полный отвѣтъ на всѣ запросы любви, звучитъ голосъ человѣческаго достоинства. Но что мы находимъ въ соціализмѣ? Прежде всего, относительно природы здѣсь мы имѣемъ только идеалъ расширенной фабрики, благоустроеннаго города и сельскаго помѣстья. Преобразованіе жизни не распространяется на общее отношеніе человѣка къ природѣ, которое остается прежнимъ и неизмѣннымъ; оно ограничивается хозяйственными нуждами человѣка. Отношеніе же его къ природѣ остается столь же корыстнымъ и нелюбовнымъ, предпринимательскимъ, какъ и теперь, отчужденіе отъ матери-земли, которую такъ умѣли чувствовать народы и научали чтить многія религіи,—здѣсь какъ бы увѣковѣчивается. Отношеніе къ природѣ въ соціализмѣ только хозяйственно, а потому и корыстно, ограничено данными потребностями. Фурье былъ единственный изъ новыхъ соціалистовъ, который связывалъ свои соціалистическія мечтанія съ весьма широкими и смѣлыми (хотя и фантастическими, но въ сущности не безынтересными) построеніями мірового, космологическаго характера, но за это онъ и признается въ исторіи со-

ціализма слѣпка полоумнымъ, а ученіе его ненаучнымъ („утопическимъ"). Другое исключеніе могъ бы составить русскій мыслитель Н. Ѳ. Ѳедоровъ, который впрочемъ не относится къ соціалистамъ. По его мысли, человѣчество призвано научно овладѣть не только землей, но и небомъ, управляя движеніемъ земного шара по надобности и желанію. Въ этомъ овладѣніи міровыми силами, „регуляціи природы", Ѳедоровъ видѣлъ исполненіе долга передъ нею со стороны сыновъ человѣческихъ, воистину ставшихъ сынами Божіими.

Но ограниченность соціалистическихъ мечтаній ощущается еще съ большей силой, граничитъ уже со слѣпотой въ другомъ отношеніи. Здѣсь разумѣется поразительное равнодушіе потомковъ къ своимъ умершимъ предкамъ, то, что можно пожалуй назвать духовнымъ каннибализмомъ, пожираніемъ предковъ, наблюдаемымъ у нѣкоторыхъ дикарей. Дѣйствительно, дѣло имѣетъ здѣсь такой видъ, что эти будущія поколѣнія, достигшія соціалистическаго земного рая и стоящія при этомъ на плечахъ всего предшествующаго человѣчества, будутъ предаваться тупому своему блаженству, эгоистически и кощунственно забывая о цѣнѣ этого рая, о тѣхъ безчисленныхъ трудахъ и жертвахъ, которые понесены для его созданія. Снисходительно или презрительно будутъ говорить они о варварствѣ этихъ поколѣній (какъ и теперь говорятъ нерѣдко о прошломъ), въ лучшемъ случаѣ будутъ отдавать въ отношеніи къ нему дань исторической любознательности, но, конечно, любящимъ сердцемъ, ихъ понимать не будутъ, не имѣя къ тому мотивовъ. Вѣдь этихъ предковъ уже нѣтъ, они были и умерли, осталась одна отвлеченная идея, истори-

ческое воспоминаніе. Потому остается пользоваться какъ бы этой исторической рентой, ими накопленной. Эта картина пиршества потомковъ на могилахъ предковъ отвратительна по своей грубости и цинизму, и здѣсь фактически упраздняется то самое человѣчество, именемъ котораго вершатся дѣла прогресса, разрывается на отдѣльныя, обособленныя, другъ друга не помнящія поколѣнія. Здѣсь соціализмъ, пожалуй, могъ бы быть завершенъ и восполненъ смѣлою мыслью того же Н. Ѳ. Ѳедорова, знаменитымъ его „проектомъ“. Мысль эта сводится ни болѣе, ни менѣе какъ къ воскрешенію предковъ, къ возсозданію жизни отцовъ ихъ благодарными и помнящими сынами посредствомъ научной „регуляціи“ природы. Знаніе, надлежаще направленное, должно найти средства, чтобы вновь собрать тѣла изъ матеріальныхъ частицъ и затѣмъ оживить ихъ. Въ исполненіи этого долга воскрешенія Н. Ѳ. Ѳедоровъ видитъ высшую задачу человѣчества, разрѣшеніемъ которой оно станетъ воистину достойно считаться сынами Божіими, исполнителями Божьяго дѣла: даровое, данное и потому неустойчивое они замѣняютъ трудовымъ, возсоданнымъ и потому не имѣющимъ конца. „Проектъ“ Ѳедорова для него имѣетъ религіозный смыслъ. Онъ видитъ въ своемъ „проектѣ“ исполненіе христіанской заповѣди любви и братства. И этотъ замыселъ сочетается у него съ непреложной вѣрой въ безсмертіе человѣка, для которой смерть есть лишь болѣзненный и временный разрывъ души и тѣла. Этотъ „проектъ“ вызываетъ, конечно, немалыя недоразумѣнія именно съ религіозной точки зрѣнія: можно ли научно-механическими средствами возвратить въ тѣло душу, которая пребываетъ

въ невѣдомомъ для насъ загробномъ состояніи, въ рукѣ Божіей? Не являются ли жизнь и смерть какъ бы новыми творческими актами Божества, которые вовсе не находятся въ распоряженіи человѣка? Однако, какъ бы ни были справедливы эти сомнѣнія и возраженія, которыя могутъ быть выдвигаемы противъ Ѳедоровскаго „проекта“ со стороны религіозной, они не имѣютъ силы для нерелигіознаго, матеріалистическаго соціализма, если бы онъ направилъ въ эту сторону свое вниманіе. Но характерно, что мысль эта, насколько извѣстно, ни разу не появлялась въ соціалистическомъ кругозорѣ: все вниманіе и интересъ направляются здѣсь на судьбу послѣднихъ поколѣній, благополучіе которыхъ и является цѣлью исторіи. Впрочемъ, надо сказать правду, что „проектъ“ воскрешенія или трудового, научнаго возстановленія жизни сулитъ мало утѣшенія при отрицаніи личнаго безсмертія, и соціализмъ имѣетъ основаніе остаться къ нему равнодушнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что и удалось бы научными средствами создать живые манекены, которые вполнѣ воспроизводили бы умершихъ, и даже по составу матеріальныхъ частицъ были бы тожественными съ ихъ тѣлами. Но вѣдь это была бы, тѣмъ не менѣе, чудовищная поддѣлка: единство и тожество личности установляется духомъ, а не мѣняющимся составомъ матеріальнаго тѣла; но при отрицаніи духовнаго начала жизни, къ чему же сведется тожество умершаго человѣка и возсозданнаго его двойника? только къ очень большому, максимальному сходству, которое, какъ бы ни было оно велико, никогда не сдѣлается тожествомъ и простое повтореніе не превратитъ въ непрерывное продолженіе одной и той же жиз-

ни. Поэтому и мысль объ искусственномъ воскрешеніи безсмертнаго человѣка излишня, ибо воскреситъ его Богъ Своею властью въ назначенный срокъ, мысль же о воскрешеніи смертнаго ложна и прямо чудовищна. Однако, характерно это отсутствіе самой мысли о предкахъ, памяти сердца о нихъ въ соціализмѣ. Только въ религіи, и, прежде всего, въ христіанской церкви есть эта память предковъ, ибо нѣтъ здѣсь живыхъ и умершихъ. Для Бога всѣ живы, и Онъ есть Богъ живыхъ, а не мертвыхъ. Только здѣсь, въ молитвенномъ поминовеніи, творится непрестанная память объ усопшихъ, въ надеждѣ и вѣрѣ грядущаго всеобщаго воскресенія.

IV.

Соціализмъ и гуманизмъ.

Христіанство учитъ, что человѣческое естество повреждено грѣхомъ. Природа человѣка больна, и эта болѣзнь проходитъ чрезъ всю его жизнь, отравляетъ всѣ ея проявленія. Лишь неусыпной бдительностью, не ослабѣвающимъ самоконтролемъ способенъ человѣкъ преодолѣвать свою природу, возводить себя къ естественному своему совершенству, выявлять свой идеалъ. Поэтому человѣку надо вести безостановочную борьбу съ самимъ собой, съ грѣховнымъ своимъ естествомъ. Онъ не долженъ безотчетно отдаваться своимъ естественнымъ стремленіямъ только потому, что они у него явились. Напротивъ, онъ всегда долженъ повѣрять себя по высшему идеалу жизни, который дается христіанской религіей, евангельскимъ ученіемъ и, прежде всего, обра-

зомъ Христа. Это не значитъ, чтобы человѣкъ долженъ непремѣнно уничтожать и отсѣкать всѣ творческіе свои порывы, потребности и стремленія, изъ которыхъ развивается дѣятельность культурная, хозяйственная, государственная. Это значитъ лишь, что всѣ эти многообразныя области дѣятельности человѣческой подлежатъ суду и контролю религіозной совѣсти, и каждая изъ нихъ можетъ служить источникомъ соблазна для человѣка, угрожать плѣномъ и гибелью для его души. Для христіанства возможно признать и допустить не самодовлѣющую, но аскетически контролируемую культуру. Этотъ контроль, конечно, долженъ быть не внѣшній, а внутренній. Онъ не только не противорѣчитъ свободѣ человѣка и не связываетъ его творческаго духа, но даже, напротивъ, расправляетъ надлежащимъ образомъ духовныя крылья, ибо только при такомъ самообладаніи и существуетъ эта свобода. Этотъ же идеалъ аскетической культуры, духовно связанной единствомъ высшей цѣли, предносился и Платону, когда онъ рисовалъ царство философовъ въ своей „Республикѣ“. Этимъ аскетическимъ духомъ проникнута и вообще всякая религіозная культура, даже и внѣ христіанства, и не только іудейская, но и египетская, эллинская, римская, конечно, каждая по-своему, въ соотвѣтствіи своей природѣ. Аскетизмъ вообще опирается на извѣстное недовѣріе къ человѣческой природѣ, точнѣе, къ данному ея состоянію. Онъ не преклоняется предъ голой данностью, силой факта, не принимаетъ того или иного стремленія только потому, что оно существуетъ и способно удовлетворить какую-либо наличную потребность, быть можетъ, и не заслуживающую удовлетворенія, нуждающуюся скорѣе въ подавленіи.

Въ противоположность этому религіозно-аскетическому самоощущенію человѣка, начиная примѣрно съ XV вѣка и до нашихъ дней, выдвигается новое міропониманіе, которое зовется въ исторіи гуманистическимъ. Изъ этого мироощущенія родилась и новая европейская культура. Здѣсь провозглашается полное довѣріе къ человѣческой природѣ въ ея данномъ состояніи. Человѣку присущи естественное здоровье, гармонія и совершенство. Онъ все, что ему нужно, можетъ найти въ себѣ и своими силами. Онъ не нуждается въ сверхъестественной помощи, ибо имѣетъ въ своей природѣ все. Вообще нѣтъ ничего выше человѣка, при томъ не въ идеальномъ его первообразѣ, но именно въ его теперешнемъ состояніи. Правда, ему многаго, безконечно многаго надо достигнуть еще на историческомъ пути, но онъ это и сдѣлаетъ своими силами, безъ всякой помощи. Онъ не нуждается въ божественной благодати или чудѣ и даже не хочетъ его, ибо онъ самъ по себѣ есть богъ, хотя и еще только становящійся. Поэтому всѣ упованія человѣка, все его вниманіе переносится здѣсь на тѣ достиженія, которыя совершены и могутъ еще совершиться въ поступательномъ движеніи исторіи или въ такъ называемомъ прогрессѣ. Прогрессъ и есть настоящее божество для религіи человѣкобожія. Въ прогрессѣ разрѣшены будутъ всѣ противорѣчія жизни и устранена всякая ея дисгармонія.

Въ числѣ другихъ частныхъ выводовъ гуманистическаго міровоззрѣнія однимъ изъ важнѣйшихъ практическихъ его приложеній является и соціализмъ, который есть поэтому духовное порожденіе эпохи возрожденія. Въ настоящее время

соціализмъ представляетъ собой, можно сказать, вліятельнѣйшую разновидность гуманизма, заслоняющую собой остальныя. Соціалистическое ученіе о человѣкѣ, безъ различія оттѣнковъ, имѣетъ въ основѣ своей вѣру въ безпредѣльную способность человѣческой природы къ совершенствованію, если только она поставлена въ соотвѣтствующія условія. Мысль о грѣхѣ, о силѣ грѣха, о грѣховной порчѣ, о губительной стихіи страстей, о трагическихъ противорѣчіяхъ человѣческой природы, далека соціалистическимъ вѣрованіямъ. Ихъ представленіе о человѣкѣ вообще бѣдно и поверхностно. Для большинства этихъ ученій человѣческая природа есть просто tabula rasa, чистая доска, на которой пишетъ то или другое содержаніе соціальная среда. Болѣе вдумчивые и сознательные изъ нихъ останавливаются на вопросѣ о человѣческой природѣ и отвѣчаютъ на него иногда въ такомъ смыслѣ, что, хотя отдѣльные индивиды ограничены и имѣютъ недостатки, но для всего человѣческаго рода послѣдніе сглаживаются, плюсы погашаются минусами, и цѣлому роду во всякомъ случаѣ принадлежитъ совершенство (Фейербахъ). Еще болѣе радикальную постановку этого же вопроса мы находимъ у Ш. Фурье, единственнаго изъ соціалистовъ, у котораго нашлось достаточно глубокомыслія, чтобы поставить кореннымъ образомъ вопросъ о природѣ человѣческихъ страстей. Онъ рѣшается въ этомъ интересномъ (и недостаточно еще оцѣненномъ) ученіи съ безграничнымъ оптимизмомъ. По мнѣнію Фурье, страсти суть благія силы, вложенныя Творцомъ въ человѣка. Онѣ приносятъ зло лишь потому, что находятся въ дисгармоническомъ положеніи, люди не умѣютъ владѣть ихъ

силой. Для этого надо ихъ научно познать и соотвѣтственнымъ образомъ сочетать, такъ, чтобы для каждой склонности нашлось свое полезное употребленіе. Это возможно, если взять достаточно обширныя общины, въ которыхъ бы находилось мѣсто для примѣненія разныхъ склонностей и разныхъ страстей. Порочныхъ же или грѣховныхъ наклонностей и вообще не существуетъ. Страсти имѣютъ себѣ параллели и соотвѣтствія въ силахъ природы, въ звукахъ, цвѣтахъ, а также въ другихъ мірахъ. Поэтому возможность естественной гармоніи дана уже въ природномъ строѣ этого міра, и соціализмъ только призванъ выявить эту возможность. Хотя большинство соціалистовъ обычно относится къ ученію Фурье какъ бы нѣсколько конфузливо въ виду его странностей, однако здѣсь мы имѣемъ самую глубокомысленную, даже единственную попытку соціалистической антропологіи. Обычно же вопросы антропологіи совершенно и безъ остатка растворяются въ соціологіи, вопросъ о человѣкѣ подмѣнивается вопросомъ о природѣ и строеніи общества. Человѣчество разсматривается какъ состоящее не изъ отдѣльныхъ личностей, изъ которыхъ каждая есть свой особый міръ, но изъ общественныхъ группъ, которыя опредѣляются своимъ мѣстомъ въ строеніи цѣлаго. Этотъ соціологизмъ отличаетъ всѣ наиболѣе вліятельныя соціалистическія ученія XIX вѣка. Вмѣсто личности возникаетъ представленіе о безличной соціальной с р е д ѣ, которая существуетъ н а д ъ личностями и ихъ собой опредѣляетъ. Въ разныхъ ученіяхъ подставляются только различныя понятія въ эту общую формулу: для Р. Оуэна началомъ, опредѣляющимъ человѣческій харак-

теръ, является общественная среда, для К. Маркса и его послѣдователей—классъ и отношеніе классовъ.

Поразительна при этомъ противорѣчивость соціализма. Съ одной стороны, здѣсь поддерживается общегуманистическая вѣра въ человѣка, на которую и опирается вѣра въ прогрессъ и въ его радужныя дали, а съ другой—въ соціализмѣ совершенно упраздняется человѣческая личность, которую такъ умѣло цѣнить и лелѣять раннее, творческое Возрожденіе: вмѣсто нея ставится всеопредѣляющая соціальная среда. Всякіе творческіе порывы, исходящіе отъ личности, гасятся въ этихъ безличныхъ сумеркахъ соціологизма. Отсюда рождается и дальнѣйшее, также неисходное противорѣчіе соціализма. Онъ преисполненъ убѣжденія, что прогрессъ совершается соціологически закономѣрно, при чемъ, конечно, законы эти имѣютъ силу и надъ отдѣльными лицами. Въ то же время практически всякое движеніе въ исторіи совершается чрезъ личности, ибо только личности принадлежитъ дѣйственность. Призывая къ реформѣ, къ революціи, соціализмъ принужденъ обращаться къ личностямъ, призывать ихъ какъ бы къ ослушанію соціальныхъ законовъ, къ тому, чтобы перерасти данную соціальную среду, возвыситься надъ ея всесиліемъ. Согласно ученію соціологизма, обществомъ правитъ желѣзная необходимость, и она руководитъ и человѣческими желаніями и поступками. Напротивъ, согласно практической морали соціализма, личность своимъ усиліемъ должна стремиться къ тому, чтобы прорвать эту цѣпь силою своей личной мощи, своей свободы. При всеобщей вѣрѣ въ прогрессъ остается безотвѣтнымъ вопросъ, кто же является

здѣсь зачинателемъ, носителемъ этого прогресса? Откуда найдется у него для этого сила? Если данъ міръ негодяевъ, то откуда же возьмется добродѣтель для его преобразованія? Эта несообразность особенно очевидна была въ ученіи Р. Оуэна, который теоретически исповѣдывалъ полную безотвѣтственность человѣка, въ виду того, что характеръ всецѣло опредѣляется общественной средой, но въ то же время своимъ собственнымъ примѣромъ и дѣятельнымъ духомъ своего ученія призывалъ къ отвѣтственной, творческой работѣ, къ личному почину. Тѣмъ же самымъ противорѣчіемъ раздирается и марксизмъ, который мнитъ, что онъ предсказываетъ будущій соціализмъ какъ лунное затменіе, а в то же время для достиженія этого луннаго затменія хочетъ основывать партію (Штаммлеръ). Вообще соціализмъ изнемогаетъ отъ своего безсилія сочетать ученіе о закономѣрности общественнаго развитія, свой соціологизмъ, съ своимъ же собственнымъ дѣятельнымъ характеромъ, революціонизмомъ. Онъ оказывается безотвѣтенъ передъ основнымъ вопросомъ, что же такое человѣкъ, какова природа человѣческой личности, человѣческаго общества? Каковы его задачи, цѣли, достиженія? Къ чему ведетъ „прогрессъ“? Въ чемъ смыслъ исторіи?

V.

Мѣщанство („буржуазность“) соціализма.

И съ этой духовной немощью и пустотою современнаго соціалистическаго движенія находится въ связи основная его черта: его глубокое мѣщанство—„буржуазность“. Да, не имѣя въ сво-

емъ лексиконѣ болѣе уничижительнаго слова, чѣмъ „буржуазія“, самъ соціализмъ духовно пропитанъ этимъ самымъ мѣщанствомъ; онъ отравленъ духомъ тѣхъ самыхъ „буржуевъ“, которымъ онъ завидуетъ и ненавидитъ. Это давно уже было подмѣчено наблюдательными умами. Извѣстно, что вопли о мѣщанствѣ европейскаго соціализма вырывались еще у А. И. Герцена, для котораго весь европейскій міръ представлялся расколовшимся на два стана: буржуа имущихъ и боящихся за свое достояніе и буржуа неимущихъ, но завидующихъ чужому достоянію. Герценъ противопоставлялъ западному соціализму нашъ русскій. Но что могъ бы онъ сказать въ наши дни, когда русскій рабочій классъ проявилъ такіе аппетиты, такой классовый эгоизмъ, что уже вполнѣ заслужилъ названіе соціалистическихъ „буржуевъ“ или мѣщанскихъ соціалистовъ. Можно различно опредѣлять мѣщанство. Вѣрнѣе всего, оно можетъ быть понято чрезъ противопоставленіе религіозному міроощущенію, для котораго руководящими являются не личныя и не здѣшнія, потусторонніе цѣнности изъ царства не отъ міра сего, между тѣмъ какъ для мѣщанства все исчерпывается интересами и успѣхами этого міра. Мѣщанство есть духовная опасность, которая всегда подстерегаетъ всякую душу на пути ея религіозной жизни, оно есть болѣзнь духа, его разслабленіе и отяжелѣніе. Въ соціализмѣ же мѣщанство пріобрѣтаетъ, можно сказать, воинствующій характеръ. Здѣсь борьба за свои экономическіе интересы, личные и классовые, проповѣдуется какъ основное, руководящее начало жизни. Удивительно-ли, что, когда соціализмъ показываетъ свое подлинное лицо, какъ теперь въ Россіи, гдѣ всѣ

обезумѣли въ какой-то оргіи хищничества, то лицо это выглядитъ мѣщанскимъ до отвратительности, въ немъ обнажаются самые низкіе, животные инстикты человѣческой природы. Таковъ духовный ликъ и современнаго русскаго соціализма, этого „соціалбуржуйства". Своей проповѣдью мѣщанства соціализмъ обѣдняетъ, опустошаетъ душу народную. Онъ самъ съ ногъ до головы пропитанъ ядомъ того самаго капитализма, съ которымъ борется духовно, онъ есть капитализмъ на выворотъ. Онъ можетъ организовать массы для достиженія элементарныхъ цѣлей на почвѣ экономической борьбы, но при этомъ незамѣтно принижаетъ ихъ духовно. Вотъ почему соціализмъ обычно враждебенъ религіи, какъ и всякому духовному, не мѣщанскому подъему, враждебенъ искусству, вообще истинной культурѣ. Онъ мертвитъ своимъ дыханіемъ народную душу. Поэтому-то соціализмъ такъ легко вульгаризуется, т.-е. размѣнивается на самую мелкую ходячую монету, сливается и отожествляется съ самыми простыми и житейскими требованіями. Мнѣ отвѣтилъ когда-то въ Германіи одинъ трактирщикъ, который и самъ былъ соціалъ-демократомъ, на вопросъ, чего, по его мнѣнію, хотятъ соціалисты: Sie wünschen mehr zu verdienen (они хотятъ побольше получать). Въ этомъ простодушномъ отвѣтѣ, въ этомъ примитивномъ пониманіи заключается больше правды, чѣмъ это кажется. Такое же истолкованіе соціализма дается въ настоящее время и русской жизнью. Въ Россіи за два-три мѣсяца вдругъ побѣдилъ соціализмъ, и впервые міръ увидѣлъ даже соціалистическое правительство (которому однако силою вещей не только не приходится осу-

ществлять соціалистическій переворотъ, какъ это полагалось бы по соціалистическому катехизису, но сказывается необходимымъ вводить мѣры обузданія и борьбы съ своеволіемъ и разложеніемъ вплоть до возстановленія смертной казни). Если бы я чувствовалъ для себя дорогими идеалы соціализма и придавалъ имъ то всемірно-историческое и міровое значеніе, какое придаютъ имъ соціалисты, я былъ бы глубоко потрясенъ и угнетенъ этою, можно сказать, идіотизаціею соціализма, какую мы сейчасъ наблюдаемъ въ Россіи. Эта побѣда соціалистическаго блока на выборахъ по городамъ, это повальное раболѣпство предъ соціализмомъ, предъ лицомъ такихъ фактовъ, какъ мародерство въ тылу, къ каковому слѣдуетъ, безспорно, относить и безмѣрныя притязанія зарвавшихся „товарищей“, —„соціалбуржуевъ“, на ряду съ трусливымъ бѣгствомъ „революціонной“ и, конечно, тоже соціалистической арміи на фронтѣ, о чемъ все это говоритъ? Вотъ въ какомъ смыслѣ по плечу оказываются массамъ упрощенные, мѣщанскіе лозунги соціализма. И если міровая война и фактическое упраздненіе интернаціонала нанесли тяжелый ударъ идейному соціализму, то не менѣе тяжелый наноситъ теперешняя его идіотизація и варваризація въ Россіи.

VI.

Правда соціализма.

Однако, нападая на соціализмъ за его мѣщанскія черты, которыя все-таки находятъ себѣ и значительное оправданіе въ бѣдности и обездоленности представителей труда въ нашемъ обществѣ, мы менѣе всего можемъ тѣмъ самымъ брать на

себя защиту капитализма, отравившаго своимъ ядомъ и соціализмъ. Ядъ же этотъ состоитъ въ томъ откровенно и цинично провозглашаемомъ убѣжденіи, что въ своей хозяйственной дѣятельности (также, впрочемъ, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ) человѣкъ можетъ руководиться только стихійными своими побужденіями или хозяйственнымъ эгоизмомъ, на которомъ и основана хозяйственная жизнь въ наши дни. Капитализмъ есть организованный эгоизмъ, который сознательно и принципіально отрицаетъ подчиненность хозяйства высшимъ началамъ нравственности и религіи; онъ есть служеніе маммону, маммонизмъ, по выраженію Т. Карлейля. Никогда еще въ исторіи не проповѣдывалось и не проводилось въ жизни такое безбожное, безпринципное служеніе золотому тельцу, низкая похоть и корысть, какъ нынѣ, и, хотя міръ не видалъ еще такой хозяйственной мощи, но къ чему же она теперь привела? Къ міровому пожару, къ капиталистической войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ! Если по духовной природѣ своей капитализмъ въ значительной мѣрѣ является идолопоклонствомъ, то по своему общественному значенію для соціальной жизни онъ покрытъ преступленіями, и исторія капитала есть печальная, жуткая повѣсть о человѣческой безсердечности и себялюбіи. Однимъ словомъ, мы должны, не обинуясь, сказать, что соціализмъ п р а в ъ въ своей критикѣ капитализма, и въ этомъ смыслѣ надо прямо и рѣшительно признать всю правду соціализма. Если онъ грѣшитъ, то, конечно, не тѣмъ, что онъ отрицаетъ капитализмъ, а тѣмъ, что онъ отрицаетъ его недостаточно радикально, самъ духовно пребывая еще въ капитализмѣ. Соціальная наука

раскрыла и раскрываетъ многоразличныя бѣдствія, причиняемыя капитализмомъ, и она же вырабатываетъ средства для борьбы съ этими бѣдствіями. Голосъ науки и совѣсти сходятся въ томъ, что капиталистическое хозяйство ради общаго блага должно быть преобразованнымъ въ направленіи растущаго общественнаго контроля или въ направленіи соціализма, и въ этомъ смыслѣ давно уже сказалъ одинъ англійскій общественный дѣятель, что „мы всѣ теперь соціалисты". Различіе относится къ пониманію практическихъ вопросовъ о томъ, въ какомъ темпѣ должно совершаться такое преобразованіе. Здѣсь слово принадлежитъ наукѣ, соціальной медицинѣ, и разговоръ долженъ итти на почвѣ опредѣленныхъ фактовъ и практическихъ вопросовъ.

Однако можно признавать правду соціализма, какъ отрицаніе неправды капитализма,—и здѣсь его воодушевляютъ, несомнѣнно, высокія чувства святого гнѣва, ревность къ справедливости, состраданіе къ меньшей братіи,—но на ряду съ этимъ видѣть и его ограниченность и неправду, которая есть тонкое или грубое воспроизведеніе ограниченности и неправды капитализма. Соціализмъ вѣритъ вмѣстѣ съ капитализмомъ, что человѣческое общество построяется только на экономическомъ интересѣ, извѣстнымъ образомъ регулированномъ, и что иныхъ силъ не существуетъ. Соціализмъ раздѣляетъ съ капитализмомъ его невѣріе въ духовную природу человѣка, и это несмотря на то, что онъ же предрекаетъ для него такое радужное будущее. Для соціализма общественное преобразованіе исчерпывается внѣшней, прежде всего экономической реформой, и онъ безъ всякаго вниманія проходитъ мимо того, что

совершается въ человѣческомъ сердцѣ. Соціализмъ интересуется человѣкомъ одновременно и слишкомъ много и слишкомъ мало, сулитъ ему земной рай, и однако его не уважаетъ, не признавая въ немъ нравственную личность. Правъ былъ Вл. Соловьевъ, говорившій, что соціализмъ даетъ человѣку не слишкомъ много, но слишкомъ мало. Уже на самыхъ первыхъ шагахъ соціализма, еще въ XVI вѣкѣ въ загадочной „Утопіи Т. Мора, не то шутя, не то серьезно выражено убѣжденіе, сдѣлавшееся общимъ для всего соціализма, что достаточно отмѣны частной собственности для полной побѣды надъ порочными наклонностями въ человѣкѣ. И чѣмъ дальше, тѣмъ эта мысль звучитъ настойчивѣе. Ради возвеличенія человѣка въ будущемъ за нимъ отвергается духовная самобытность и нравственная отвѣтственность въ настоящемъ. Для соціализма человѣкъ есть денежный мѣшокъ, пустой или наполненный, такъ же, какъ и для капитализма. И эти мѣщанскія, матеріалистическія основы современнаго соціализма дѣлаютъ его ученіемъ духовно-мертвящимъ, лишаютъ его поэзіи и очарованія, наполняя жизнь разсудочностью и прозаичностью. На немъ лежитъ отпечатокъ вульгарности, низменности и безкрылости, и это, конечно, связано съ отсутствіемъ въ немъ истинной религіозности, которая замѣняется извращеннымъ грубымъ идолопоклонствомъ, гдѣ идоломъ является толпа,—„демократія“, понимаемая, какъ экономическій союзъ.

VII.

„Христіанскій соціализмъ".

Итакъ, существуетъ противоположность между міровоззрѣніемъ религіознымъ, для котораго вся человѣческая жизнь, въ частности и хозяйственная дѣятельность, протекаетъ въ согласіи съ закономъ высшей, божественной правды, и зоологическимъ, одну изъ разновидностей котораго имѣемъ мы и въ соціализмѣ. Противоположность заключается здѣсь въ духовныхъ мотивахъ, но отнюдь не въ самомъ соціализмѣ. И противоположность эта осознана была во всей глубинѣ еще въ древности, въ Аѳинской республикѣ IV вѣка, когда великій философъ Платонъ въ своемъ произведеніи „Политейа" начерталъ с в о й идеалъ соціализма, который кореннымъ образомъ отличался отъ захватнаго, своекорыстнаго, мѣщанскаго соціализма, и тогда уже широко разлитого въ массахъ. Платонъ указалъ здѣсь, что вся человѣческая жизнь, а въ частности и хозяйственный строй должны строиться на основаніи высшихъ идеальныхъ нормъ „справедливости", но отнюдь не на борьбѣ себялюбій, единоличныхъ и групповыхъ. Эта же мысль легла въ основу христіанской проповѣди въ первые вѣка христіанства. Если мы будемъ знакомиться съ произведеніями христіанской письменности I—IV вѣковъ, мы найдемъ здѣсь весьма суровое и рѣшительное осужденіе эгоизму собственниковъ, а нерѣдко и частной собственности, иногда настолько рѣзкое и безпощадное, что едва ли можно къ нему что-либо прибавить даже и со стороны представителей соціализма. И однако смыслъ этихъ нападеній на собственниковъ въ томъ, чтобы указать

имъ нарушеніе долга христіанской любви и призвать къ дѣламъ братолюбія и благотворительности, а вовсе не въ томъ, чтобы разжечь ненависть и зависть въ неимущихъ. Извѣстно, какъ велика и многообразна была эта благотворительность въ лучшія времена христіанской исторіи. Однако, эти нападенія на частную собственность за злоупотребленія ею нельзя еще считать соціализмомъ, ибо здѣсь совершенно отсутствуетъ мысль о коренномъ преобразованіи хозяйственнаго и соціальнаго строя на основѣ замѣны частной собственности общественною, хотя бы по мотивамъ христіанской любви. Эта программа, такъ называемаго „христіанскаго соціализма", появляется въ новое время, преимущественно въ XIX вѣкѣ. Основная мысль „христіанскаго соціализма" состоитъ въ томъ, что между христіанствомъ и соціализмомъ можетъ и должно существовать п о л о ж и т е л ь н о е соотношеніе. Христіанство даетъ для соціализма недостающую ему духовную основу, освобождая его отъ мѣщанства, а соціализмъ является средствомъ для выполненія велѣній христіанской любви, онъ исполняетъ правду христіанства въ хозяйственной жизни. Разумѣется, насколько соціализмъ проникается антихристіанскимъ духомъ и отдается чарамъ перваго искушенія, онъ не можетъ быть соединенъ съ христіанствомъ, которое требуетъ прежде всего человѣческаго сердца. Но въ соціализмѣ самомъ по себѣ, разсматриваемомъ какъ совокупность мѣръ соціальной политики, нѣтъ ничего, что бы не соотвѣтствовало христіанской морали. Потому самая мысль о „христіанскомъ соціализмѣ" не имѣетъ въ себѣ ничего противорѣчиваго. Принципіально христіанскій со-

ціализмъ вполнѣ возможенъ. „Христіанскій соціализмъ“ имѣетъ разныя черты; вѣрнѣе сказать, подъ этимъ именемъ скрываются стремленія, нерѣдко далеко между собою расходящіяся какъ въ религіозномъ, такъ и соціально-политическомъ смыслѣ, отъ самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ, какъ, напр., движеніе „христіанскихъ соціалистовъ“ въ Англіи въ срединѣ XIX вѣка, до весьма двусмысленныхъ, каковъ, напримѣръ, австрійскій или германскій антисемитизмъ пастора Штекера и под. Поэтому нельзя относиться съ неразборчивымъ довѣріемъ къ тому, что иногда называетъ себя „христіанскимъ соціализмомъ“, ибо можетъ оказаться при ближайшемъ разсмотрѣніи, что въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ либо христіанства (какъ, напр., у Сэнъ-Симона), либо соціализма, или же ни того, ни другого. Русской мысли идеи христіанскаго соціализма, именно на основѣ православія, также не являются чужды. Когда Ѳ. М. Достоевскій говоритъ, что православіе есть нашъ русскій соціализмъ, „пресвѣтлое единеніе во Христѣ“, то онъ хочетъ, конечно, высказать ту общую мысль христіанскаго соціализма, что лишь на религіозной основѣ можно находить надлежащее разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ. И ту же мысль по-своему выражаетъ и Вл. С. Соловьевъ, который говоритъ о „правдѣ соціализма“, указывая въ то же время на его ограниченность и на необходимость дать этой правдѣ вселенскій христіанскій смыслъ. Вопросъ объ оправданіи соціализма и религіозномъ его смыслѣ многократно разбирался въ новѣйшей русской литературѣ, въ общемъ въ такомъ же смыслѣ. Вообще идеи „христіанскаго соціализма“ сейчасъ имѣютъ для себя очень благопріятную

почву въ Россіи какъ среди православнаго духовенства, такъ и среди православнаго народа. Нерѣдко высказывается пожеланіе о томъ, чтобы у насъ возникла самостоятельная партія христіанскихъ соціалистовъ. Однако, едва ли можно раздѣлить это пожеланіе. Пусть соціалисты дѣлаются христіанами, а черезъ то христіанизируется и ихъ соціализмъ, но выступать съ проповѣдью особой партіи христіанскаго соціализма это значитъ принижать вселенскіе глаголы христіанста и самую Церковь ставить въ положеніе партіи. При этомъ грозитъ опасность особаго, соціалистическаго клерикализма, при которомъ соціализмъ оказывается только средствомъ для уловленія душъ, либо же онъ-то и представляется главной цѣлью, для которой лишь средствомъ является христіанство. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинаково происходитъ религіозный подмѣнъ. Клерикализмъ, какъ стремленіе высшей іерархіи къ власти и вліятельности, свойствененъ наиболѣе папскому католицизму. Онъ не разъ уже мѣнялъ обличье въ исторіи и въ наши дни ему всего естественнѣе принять защитные цвѣта демократіи и соціализма. Еще Достоевскій предусматривалъ этотъ поворотъ въ исторіи католицизма, когда папа выйдетъ босъ и бѣденъ къ рабочему классу, чтобы завоевать его сердце соціализмомъ, и историческая дѣйствительность до извѣстной степени подтвердила прозрѣніе нашего писателя (политика Льва XIII). Однако, если это происходитъ ради власти, а не во имя любви Христовой, мы имѣемъ здѣсь лишь новую разновидность искушенія въ пустынѣ. Для Церкви невмѣстно сливаться съ какой бы то ни было партіей, какъ союзомъ относительнымъ, условнымъ и времен-

нымъ, и вселенская правда ея не должна закрываться какими-либо преходящими формами. Пусть соціалисты становятся христіанами, тѣмъ самымъ соціализмъ, какъ и вся жизнь наша, будетъ дѣлаться христіанской. Но пусть христіане осознаютъ себя прежде всего какъ члены Церкви, а не какъ „христіанскіе соціалисты", и не ставятъ знака равенства между церковностью и „христіанскимъ соціализмомъ". Иначе намъ грозитъ та опасность, о которой говорилъ еще апостолъ,—раздѣленія внутри самой Церкви. „Слѣлалось мнѣ извѣстнымъ о васъ, братія мои, что между вами есть споры. Я разумѣю то, что у васъ говорятъ: Я Павловъ, я Аполлосовъ; я Кифинъ; а я Христовъ. Развѣ раздѣлился Христосъ?" (I Кор. I, 11—13).

VIII.

Дѣйствительное значеніе соціализма

Итакъ, христіанству не только нѣтъ никакихъ причинъ бояться соціализма, но есть полное основаніе принимать его въ качествѣ благодѣтельной общественной реформы, направленной къ борьбѣ съ общественнымъ зломъ, насколько эти мѣры не сопровождаются грубымъ насиліемъ и сообразны съ здравымъ смысломъ. Но христіанство совершенно отвергаетъ все самообольщеніе соціализма, ослѣпленнаго своими чаяніями. Въ глазахъ христіанства самый радикальный соціализмъ не содержитъ въ себѣ ровно ничего радикальнаго въ томъ смыслѣ, что онъ безсиленъ внести дѣйствительно существенное преобразованіе жизни. Предъ лицомъ порчи и зла, коренящагося въ человѣческой природѣ, а черезъ нее сообщаю-

щагося и всему міру, соціализмъ есть только палліативъ. Онъ не затрогиваетъ конечныхъ причинъ человѣческихъ страданій, въ этомъ смыслѣ онъ принадлежитъ вообще области *срединности*, которую лишь по духовной слѣпотѣ своей онъ принимаетъ за нѣчто предѣльное и радикальное. Какъ медицина въ состояніи бороться съ болѣзнями и въ отдѣльныхъ случаяхъ ихъ побѣждать, однако совершенно безсильна побѣдить самую болѣзненность, источникъ болѣзней и смерти, такъ и соціализмъ борется успѣшно или малоуспѣшно съ частными причинами бѣдности и насилія, не будучи въ силахъ ихъ совершенно исторгнуть. По своему палліативному характеру соціализмъ не имѣетъ значенія радикальной жизненной реформы, онъ есть *благотворительность*, одна изъ ея формъ, указываемыхъ современной жизнью,—и только всего. Торжество соціализма въ жизнь не вносило бы *ничего существеннаго*. Также будутъ страдать и умирать люди, любить и ненавидѣть, завидовать и тщеславиться, предаваться тѣмъ же страстямъ и порокамъ, что и теперь, хотя и на иной манеръ, и также духовная высота будетъ достигаться только личнымъ подвигомъ, усиліемъ восхожденія. Надо такъ сдѣло вѣрить во всесиліе экономической среды надъ человѣкомъ, какъ соціалисты, чтобы допускать, что съ измѣненіемъ ея измѣнится и человѣческая природа. Человѣкъ вовсе не есть такая кукла или механизмъ, заводимый хозяйственною средою. Соціализмъ обидно думаетъ о человѣкѣ въ этомъ своемъ оптимизмѣ. Если даже допустить, что прекратятся страданія отъ голода и будетъ совершенно побѣждена нужда (чего, впрочемъ, нельзя ожидать въ пол-

ной мѣрѣ), то тѣмъ чувствительнѣе станутъ нравственныя страданія, уколы самолюбія, раны любви, сомнѣнія и, наконецъ, ужасъ скуки и тоски отъ праздности, отъ досуга, съ которымъ такъ мало люди умѣютъ справиться достойно. Посмотрите теперь на жизнь обезпеченныхъ и богатыхъ классовъ, на которыхъ не лежитъ гнетъ нужды и заботы: какъ далека она отъ соціалистическихъ представленій. Пессимизмъ Гартмана, согласно которому человѣчество стремится къ окончательному разочарованію и всеобщему самоубійству, имѣетъ во всякомъ случаѣ столь же много или столь же мало основаній, какъ и соціалистическій оптимизмъ съ его дѣтскимъ невѣдѣніемъ зла въ человѣкѣ и полнымъ непониманіемъ человѣческой природы. Христіанство одинаково далеко, конечно, и отъ этого оптимизма, и отъ этого пессимизма: оно видитъ въ исторіи выявленіе и углубленіе борьбы добрыхъ и злыхъ началъ, ихъ трагическое противоборство, которое становится все напряженнѣе, и передъ концомъ міра, въ концѣ исторіи, достигаетъ наибольшей остроты. И соціализмъ есть только одна изъ историческихъ ступеней на этомъ пути, историческій эпизодъ,—не болѣе.

Впрочемъ, христіанство не только не вѣритъ въ то, чтобы страданіе въ человѣкѣ могло быть побѣждено соціализмомъ, но и не видитъ въ томъ ничего желательнаго, ничего идеальнаго. Напротивъ, это было бы духовнымъ паденіемъ для человѣка, пониженіемъ его существа. Ибо не для счастья рожденъ человѣкъ, и не къ счастью долженъ онъ стремиться, но къ духовному росту, который совершается лишь цѣною борьбы, страданій, испытаній. Не счастье, но блаженство, ду-

ховная радость, не сонное благополучіе, но горѣніе и пареніе духа способы насытить душу человѣка. Современный гуманизмъ, такъ называемая гуманность, считаетъ зломъ всякое страданіе и хочетъ освободить отъ него человѣка, задача столь же не исполнимая, сколь и невѣрная. Есть, дѣйствительно, страданія унижающія, притупляющія человѣка, но таковымъ же можетъ явиться и благополучіе, то самое „мѣщанское счастье, которое сулитъ, вмѣстѣ съ здоровымъ пищевареніемъ, будущему человѣчеству соціализмъ. И, конечно, если бы такое мѣщанское счастье сдѣлалось всеобщимъ достояніемъ, человѣчество задохнулось бы отъ пошлости этого самодовольнаго благополучія, міръ постигла бы своеобразная соціалистическая варваризація, предвкушеніе которой мы имѣемъ уже и сейчасъ, и тогда немногимъ, уцѣлѣвшимъ духовно, осталось бы прятаться въ подземелье отъ этой атмосферы соціалистическаго мѣщанства.

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и вѣры,
Унесемъ зажженные свѣты
Въ катакомбы, пустыни, пещеры.

(В. Брюсовъ).

Но никогда не наступитъ это мечтаемое благополучіе, ибо не къ гармоніи и спокойствію, но къ послѣднимъ потрясеніямъ движется міръ.

IX.

„Духа не угашайте, пророчества не уничижайте".

Итакъ, въ отношеніи къ соціализму для христіанства должны оставаться руководящими призывы апостола, изъ которыхъ первый гласитъ: „духа не угашайте", ибо соціализмъ грозитъ великимъ угашеніемъ духа, но къ нему присоединяется тотчасъ и второй призывъ: „пророчества не уничижайте". Надо разслышать „пророчество" и въ соціализмѣ и не уничижить его невниманіемъ или предубѣжденіемъ. Пророчество въ соціализмѣ есть глухое и темное, однако неистребимое предчувствіе о томъ, что „преходитъ образъ міра сего", растопится его кора, и въ водахъ міроздания „Божій ликъ отобразится вновь". Слѣпо и глухо это пророчество въ соціализмѣ по сравненію съ тѣмъ, какъ дано оно въ христіанскихъ обѣтованіяхъ о новой землѣ и новомъ небѣ, въ нихъ же правда живетъ: „се Азъ творю все вновь". Но за то именно въ ту эпоху, когда поблѣднѣли и временно притупились въ христіанствѣ эти предчувствія, въ соціализмѣ они получили извѣстную жизненную силу. Соціалистическій апокалипсисъ для многихъ сталъ заслонять собой христіанскій именно потому, что ослабѣлъ въ сердцахъ этотъ послѣдній. Однако, если мы вспомнимъ о радостной эпохѣ первохристіанства, которая вся была проникнута апокалипсисомъ, ожиданіемъ скораго пришествія Спасителя и всеобщаго мірового переворота, мы можемъ указать надлежащее мѣсто робкимъ и нерѣшительнымъ мечтаніямъ соціализма о хозяйственномъ переворотѣ, который обезпечитъ всеобщую сытость. Но еще возгорится въ христіанствѣ вско-

рѣ, быть можетъ, уже нынѣ — это побѣдное ожиданіе, зовъ всей твари въ человѣческомъ сердцѣ: „ей, гряди, гряди вскорѣ".

Соціализмъ и христіанство, хотя по существу дѣла между ними и могло бы не быть столкновенія или соперничества, однако сталкиваются въ настоящее время враждебно. Соціализмъ относится непримиримо къ христіанству, да въ сущности и ко всякой другой религіи, ибо самъ хочетъ стать религіей и вытѣснить всякую другую. Онъ требуетъ вѣры въ человѣка, какъ въ Бога, а въ законы хозяйственнаго развитія, какъ въ божественный промыселъ. Въ соціализмѣ можно усмотрѣть при благожелательномъ взглядѣ нѣкое пророчество, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть несомнѣнно, и лжепророчество, которое уводитъ отъ Христа и вѣры Христовой. И потому, какъ бы ни было цѣнно и благотворно его соціальное воздѣйствіе, его религіозное значеніе теперь убійственно и притупляюще, онъ пользуется соціальными благами, дѣйствительными или призрачными, въ качествѣ прельщенія, воспроизводя первое искушеніе въ пустынѣ. И надо найти въ себѣ религіозную силу, чтобы жизненно, а не на словахъ только отвѣтить соціализму: не о хлѣбѣ единомъ живетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Соціализмъ есть проповѣдь царства отъ міра сего, пророчество о построеніи башни, послѣдняя и самая рѣшительная попытка человѣчества устроиться безъ Бога, добыть земной рай, съ тѣмъ, чтобы совершенно и окончательно забыть объ утраченномъ Эдемѣ, о небѣ. Христіанство же есть царство не отъ міра сего, хотя путь къ нему проходитъ и черезъ этотъ міръ, оно подготовляется въ человѣческой исто-

ріи. Еще блаженный Августинъ, бывшій очевидцемъ величайшаго мірового потрясенія—паденія Рима, выразилъ съ полной ясностью мысль о томъ, что д в а г р а д а строются въ человѣческой исторіи, два начала строительства противоборствуютъ. Одно начало—Христово, которое содержится въ христіанской церкви, а другое—царство человѣческое, причемъ, когда человѣкъ остается безъ Бога, то царство его становится діавольскимъ, антихристовымъ. И чѣмъ дальше совершается исторія, тѣмъ отчетливѣе и рѣзче вырисовывается эта двойственность духовныхъ началъ европейской исторіи. Въ сердцахъ человѣческихъ идетъ эта борьба, рѣшается вопросъ о томъ, кому поклониться и повѣрить: Христу, царство Коего не отъ міра сего, или же князю міра сего. Эта же борьба идетъ и въ душѣ соціализма. Но никакія блага міра, никакія его обѣтованія не должны угасить въ христіанской душѣ вѣры и любви къ Спасителю, Который сказалъ Своимъ ученикамъ: „Безъ Мене не можете творити ничесо же", Который научилъ насъ молиться: „Да пріидетъ Царствіе Твое".

Примѣчаніе. Желающіе получить болѣе подробное знакомство и болѣе широкое обоснованіе мыслей, здѣсь выраженныхъ, могутъ обратиться къ слѣдующимъ моимъ книгамъ: 1) О т ъ м а р к с и з м а к ъ и д е а л и з м у, 1903 г.; 2) Д в а г р а д а. Изслѣдованія о природѣ общественныхъ идеаловъ. Два тома. 1910 г.; 3) Ф и л о с о ф і я х о з я й с т в а. 1912 г.; 4) Очерки по исторіи экономическихъ ученій, вып. I. 1913 г.; 5) С в ѣ т ъ Н е в е ч е р н і й. Созерцанія и умозрѣнія. 1917 г.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАРОДОПРАВСТВО“.

Въ первыхъ нумерахъ напечатаны статьи и очерки слѣдующихъ авторовъ:

Проф. Н. Н. Алексѣева, Д. Аркина, Н. А. Бердяева, Г. Вильямса, проф. Б. П. Вышеславцева, В. Дороватовской, А. А. Евдокимова, Бор. Зайцева, проф. В. В. Зѣньковскаго, Н. М. Іорданскаго, прив.-дон. Ю. В. Ключникова, С. С. Кондурушкина, Е. Коровина, Бориса Кремнева, В. Муравьева, В. В. Островскаго, А. Поймиова, М. Пришвина, Алексѣя Ремизова, Петра Рысса, проф. А. А. Рождественскаго, Б. Савинича, пр.-доп. А. Саккети, проф. М. Н. Соболева, свящ. С. М. Соловьева, проф. Е. Спекторскаго, гр. Алексѣя Н. Толстого, проф. В. М. Устинова, прап. Ушакова, проф. М. И. Фридмана, пр.-доц. Н. Н. Фіолетова, Георгія Чулкова и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На одинъ мѣсяцъ — 1 р. 20 к., на три мѣсяца — 3 руб. Цѣна отдѣльнаго нумера 40 к. Общественныя демократическія организаціи пользуются льготными условіями.

Адресъ конторы: Москва. Б. Дмитровка. д. 13, кв 18.
Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи: Москва. Смоленскій бул., д. 8. Телеф. 4-27-29 и 61-03.

Издательство „КОРАБЛЬ“.

А. Вѣтровъ. Во что сегодня вѣритъ Германія? Ц. 65 к.

А. В. Карташевъ. Реформа, реформація и исполненіе церкви. Ц. 1 р. 25 к.

Д. С. Мережковскій. Зачѣмъ Воскресъ? Религіозная личность и общественность. Ц. 40 к.

Георгій Чулковъ. Судьба Россіи. Бесѣда о современныхъ событіяхъ. Ц. 65 к.

Москва. Складъ Московской Просвѣтительной Комиссіи.
Б. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96.

МОСКОВСКАЯ ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ КОМИ

БРОШЮРЫ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВА.

1. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Новѣйшая республиканская конс (Португалія). Ц. 40 коп.
2. Пр.-доц. Н. П. АНУФРІЕВЪ. Два русскихъ Учредительныхъ (1613 и 1917 г. Ц. 30 коп.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли соціальная революція? Ц.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 коп.
6. А. ОГЛИНЪ. Армія въ демократическомъ государствѣ. Ц.
7. Проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое соціализмъ? (Печата
8. Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ. (Печатается).
9. Б. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ Смутное время. (Печа
10. Пр.-доц. С. Ф. КЕЧЕКЬЯНЪ. Что такое свобода? (Печатается).
11. Проф. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція? Ц. 30
12. Проф. Б. М. УСТИНОВЪ. Власть народа. Ц. 40 коп.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакунинъ и бунтари 1 Ц. 30 коп.
14. Проф. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика тельна ли она для Россіи? Ц. 30 коп.
15. Пр.-доц. Н. Н. ФІОЛЕТОВЪ. Церковь и государство. Ц. 30
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда о войнѣ. Ц. 30 коп.
17. Проф. Н. М. СОБОЛЕВЪ. Земельный вопросъ. Ц. 30 коп.
18. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорціональные выборы.
19. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Ученіе объ Учредительн браніи. Ц. 30 коп.
20. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика. Ц. 35 ко
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія. Ц. 30 к.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКІЙ. Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ ками? Ц. 40 коп.
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство. Ц. 3
24. В. БАЙКОВЪ. Страхованіе отъ безработицы. Ц. 30к.
25. Проф. С. Н. БУЛГАКОВЪ. Христіанство и соціализмъ. Ц.
26. Свящ. СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. Вопросъ о соединеніи цер связи съ паденіемъ самодержавія Ц. 30 к.

Адресъ конторы издательства: Москва, Б. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел